

«ВОССТАНОВИТЕЛЬ, БЛАГОДЕТЕЛЬ И ОТЕЦ ВАНДЕИ»

Е.М. Мягкова

18 января 1800 г. главнокомандующие силами повстанцев на территории бывшей провинции Анжу П. де Сюзане и Ш.-М. д'Отишан были вынуждены сложить оружие, что означало завершение «третьей вандейской войны». Наступившее перемирие оказалось не только самым длительным со времен «битвы гигантов» (1793), но и наиболее плодотворным: последние вспышки протеста (1815, 1832 гг.) уже не представляли собой реальной угрозы для центральной власти. Парадоксальная, на первый взгляд, лояльность новому режиму роялистского департамента и его предпочтение Наполеона «неблагодарным Бурбонам» имеют, на самом деле, вполне логичное объяснение.

Закончить Революцию: Франция и Вандея

Революция наделила западные земли Франции ореолом исключительности, создав им образ не только своего антагониста, но и прямой противоположности, мира «наизнанку» (не-Франция, анти-Франция). Именно тогда постепенно оформился экономический, политический и культурный водораздел между территориями «Прогресса» и «Мракобесия», просуществовавший до середины XX в.¹

Возникшая в 1793 г. коллизия между республиканской властью, претендовавшей на роль выразительницы чаяний народа, и вандейским крестьянством, выступившим против этой власти под религиозно-монархическими лозунгами, первое время объяснялась «заблуждениями темных селян», что предполагало возможность вернуть грешников на путь истинный. Причиной «помешательства» объявлялось влияние

Елена Михайловна Мягкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

¹ См.: Мягкова Е.М. «Непостижимая Вандея»: государство и власть в политическом пространстве сельского общества // ФЕ 2003. М., 2003. С. 10-33; Она же. Вандейское восстание 1793 г. и традиция политического консерватизма на Западе Франции в середине XIX – начале XX вв. // Консерватизм в России и мире. Ч. 3. Воронеж, 2004. С. 29-48.

дворян и неприсягнувших священников, якобы возбуждавших в среде сельских жителей «мрачный фанатизм». Яростная агитация, пропаганда и шквал печатной продукции в целях популяризации и разъяснения основ «справедливейшего миропорядка» свидетельствовали о желании революционных лидеров подчинить себе непреднамеренных врагов исключительно силой разума.

Однако провал мер этой своеобразной «гражданской педагогики» породил качественно иной дискурс. Теперь утверждалось, что нация, вышедшая из рабства, впервые получила полную свободу, а потому является, в сущности, ребенком, не умеющим этой свободой разумно воспользоваться. Подобная метафора предполагала, с одной стороны, высокую вероятность ошибочного использования свободы, с другой – правомерность сурового наказания за это. Между тем применение мер целенаправленного государственного насилия (преследования, арест, высылка) не только не разрешили проблемы, но еще больше усугубили ситуацию. Исчерпав потенциал убеждения и устрашения, республиканцы были вынуждены прибегнуть к насилию, и для этого следовало найти подходящий образ. Идеологическое оправдание репрессий происходило через разделение (до противопоставления) понятий «гражданина» (защищенного принципами Декларации 1789 г. и Конституции 1793 г.), и «человека» (который не обязательно может быть гражданином, а потому попадать под категорию лиц, лишенных покровительства закона). Так, наряду с жителями колоний, эмигрантами и врагами народа появился «свинский сброд», негодная «раса разбойников», подлежащая физическому уничтожению².

Принужденные к решительным мерам, монтаньяры поместили Вандею в образ абсолютного врага, одновременно олицетворявшего собою внутреннюю (восстание марта 1793 г.) и внешнюю (связь с Англией) угрозы³. На мятежный департамент обрушился поток «адских колонн» генерала Л. Тюрро, и тактика выжженной земли превратила регион в настоящее «кладбище нации»⁴. Жестокий урок, впрочем, был

² Muller Ch. Du «peuple égaré» au «peuple enfant». Le discours politique révolutionnaire à l'épreuve de la révolte populaire en 1793 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2000. T. 47. № 1. P. 93-112; Viguier J. de. La Vendée et les Lumières: les origines intellectuelles de l'extermination // La Vendée dans l'Histoire. Actes du Colloque de La Roche-sur-Yon. P., 1994. P. 36-51.

³ Gérard A. Par principe d'humanité: la Terreur et la Vendée. P., 1999.

⁴ Fournier E. La Terreur bleue: première phase de l'extermination des Vendéens, décrétée par le Pouvoir: 17 octobre – 23 décembre 1793. P., 1984; *Idem*. Turreau et des colonnes infernales: deuxième phase de l'extermination: 1-er janvier 1794 – 9 thermidor, 27 juillet 1794. P., 1986; Peret J. La Terreur et la Guerre. Poitevins, Charentais et Vendéens de l'An II. Geste éditions, 1992; Secher R. Le génocide franco-français: La Vendée-Vengé. P., 1986.

прерван термидорианским переворотом: новая власть вступила в мирные переговоры с повстанцами, увенчавшиеся подписанием соглашения в Ла Жоне (17 февраля 1795 г.)⁵. Дебаты, содержание и принятие Конституции III года явно свидетельствовали о твердом, хотя и тщетном, намерении законодателей завершить, наконец, революцию⁶. Действительно, политический режим Директории, вынужденный лавировать между активизировавшимися роялистами, с одной стороны, и жаждавшими реванша якобинцами – с другой, так и не смог достичь стабилизации. Закон от 3 вандемьера VII года, освободивший от воинской повинности лишь 9 западных департаментов, привел к возобновлению шуанерии, и в результате переворота 18 брюмера Директория уступила место Консулату. Вандея, таким образом, выступала симптомом злой болезни и ее умиротворение могло быть расценено зримым признаком конца революции.

* * *

Человеческая цена двух первых гражданских войн была для Вандеи просто чудовищной. Согласно современным подсчетам, 4 западных департамента (Вандея, Дё-Севр, Мен и Луара, Атлантическая Луара), ставших ареной крестьянского восстания, потеряли с 1793 по 1796 г. от 140 до 190 тыс. человек, что составляло 1/4 – 1/5 населения, местами 1/3, а часто и половину, как, например, в дистриктах Шоле, Вийе, Шатийон-сюр-Севр⁷. Размеры общих потерь с обеих сторон (жертвы сражений, репрессий, вызванных войной эпидемий и т.д.) оставались на протяжении долгого времени предметом острых споров сначала среди современников, затем – среди историков⁸.

Рисовавшиеся термидорианской публицистикой с целью критики Террора картины тотального разрушения Вандеи нередко отражали

⁵ *Martin J.-Cl.* Sur le traité de paix de La Jaunaye, février 1795. Les conditions d'un compromis // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*. 1997. Т. 104. № 1. P. 73-88.

⁶ *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

⁷ См.: *Hussenet J.* La guerre de Vendée: combien de morts? // *Recherches vendéennes*. № 1. 1994 (Vendée). P. 39-89; № 2. 1995 (Maine-et-Loire). P. 31-95; № 3. 1996 (Loire-Atlantique). P. 301-366. См. также: *Arches P.* Guerre de Vendée et sources démographiques pendant la Révolution et l'Empire. Essai critique sur les Deux-Sèvres // *Ibid.* № 4. 1997. P. 147-162; *Hussenet J.* La guerre de Vendée: combien de morts? // *Ibid.* P. 163-218.

⁸ В то время как длительная традиция роялистской историографии колебалась между цифрой в 400-600 тыс. жертв, наследники «синих», напротив, недооценивали значимость этих итогов. Позднее Р. Сеше установил низшую – на уровне 117. 257 (*Secher R.* Op. cit. P. 245-264), – а Ж.-К. Мартен – высшую – на уровне 220-250 тыс. (*Martin J.-Cl.* La Vendée et la France. P., 1987. P. 306-317), – границы для определения общего числа погибших.

реальное положение вещей. Так, администраторы округа Монтэрю писали 4 июля 1800 г.: все дома в сельской местности сожжены, а уцелевшие разорены; самый ужасный грабеж привел здешних жителей в крайне бедственное положение, ибо для отдыха они располагали лишь «охапкой соломы»; реквизиции, постой и насильственные вымогательства разрушили некогда процветавшее животноводство⁹. Подобные представления о настоящем «Диком Западе», где пустующие земли попадают в собственность первых же поселенцев, порою становились причиной поистине трагикомических решений. Зимой 1803 г. Парижская префектура полиции, озабоченная наплывом беженцев из оккупированных немецких земель, распорядилась отправить их на поселение в Фонтене. Однако подобное избавление от социально нежелательных элементов не достигло предполагаемой цели: новоявленные «скваттеры», не обладая знанием языка, профессий и средствами к существованию, только добавили проблем местным властям и жителям региона¹⁰.

А проблем им и так хватало, их создавала даже сама природа. Рубеж веков ознаменовался в Вандее резким скачком популяции волков. Голодные звери нападали на людей, сея ужас, панические настроения и мрачные предсказания в богатом фольклорными традициями краю лесов и болот. В обязанности мэров отныне входили наем и оплата профессиональных охотников, ведущих облавы¹¹. Наряду с полицией, борющейся с разбоем и контрабандой, их деятельность была важнейшей составной частью общественной безопасности.

Напряженность ситуации усугублялась остротой противоречий между различными социальными слоями: лишенным значительной части собственности дворянством; не покорившимися режиму, но почитаемыми населением священниками; сколотившимися состоянием, но живущими в страхе буржуа; разоренными и раздираемыми вооруженными конфликтами крестьянами. Преследование одних и неуверенность других, общая подозрительность и политическая непримиримость сторон напоминала «тишину кладбища», где в любой момент могла взойти заря очередного восстания. Не будет преувеличением сказать, что едва ли какие-либо другие регионы Франции столь же нуждались в мире, как Вандея, и желали его больше, чем она.

* * *

⁹ La Vendée des origines à nos jours. La mise en œuvre de l'ouvrage a été assurée par J.-L. Sarrazin. Saint-Jean-d'Angely, 1982. P. 285.

¹⁰ Heckmann Th. Napoléon et la paix. Deux préfets de la Vendée: Jean-François Merlet – Prosper de Barante. (Documents inédits). Edition d'Orbestier, 2004. P. 73-78.

¹¹ Ibid. P. 78.

Долгое время сюжет умиротворения Вандеи не пользовался большой популярностью среди историков. В сравнении с другими, грандиозными деяниями Наполеона Бонапарта это выглядело лишь мелким, частным эпизодом. Великие военные события, перекроившие границы Европы, русский поход 1812 г., Конституция 1799 г., Гражданский кодекс, континентальная блокада, династическая политика, семейная жизнь и любовные авантюры Наполеона – вот далеко неполный перечень тем, в наибольшей степени привлекавших внимание наполеоноведов¹².

Ситуация резко изменилась к 80-м годам XX в. С одной стороны, очередной этап «историографической революции» перенес центр тяжести с изучения *макро*-структур на анализ внутреннего мира людей, с крупных социальных процессов на межиндивидуальные отношения в малых группах (*микро*-уровень)¹³. С другой, – обозначился интерес к «истории снизу» (взглядам и опыту рядовых людей, народной культуре, коллективной ментальности, обычному праву, религиозности масс и т.п.), стремление преодолеть интенционный подход, сводящий причинность к намерениям отдельных выдающихся личностей. Наконец, на раскрытие темы заметно сказалось смещение исследовательских акцентов в изучении Революции. Начавшееся в преддверии 200-летнего юбилея Французской революции активное обсуждение вопроса о ее «цене» побудило многих историков обратиться к изучению «эксцессов» и жестокостей революционной эпохи, Террора. Тема Вандеи и шуанерии в данном отношении была особенно привлекательна, поскольку речь шла об огромных жертвах и беспощадных репрессиях¹⁴. В результате, на смену единичным региональным работам, посвященным роли Бонапарта в замирении Вандеи¹⁵, пришел лавинообразный поток литературы, достигший кульминации в 2004 г. – году празднования

¹² Об ведущих тенденциях в отечественной историографии см.: Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений 1996-1998. М., 2003. Об основных направлениях зарубежных исследований см.: *Tulard J. Dictionnaire Napoléon*. P., 1987.

¹³ Следствием указанного процесса стало создание в 1994 г. Вандейского центра исторических исследований (Centre vendéen de recherches historiques). См.: <http://www.histoire-vendee.com>

¹⁴ *Les résistances à la Révolution. Actes du Colloque de Rennes*. P., 1987; *La Vendée dans l'Histoire; La Vendée. Après la Terreur, la reconstruction. Actes du Colloque tenu à La Roche-sur-Yon en avril 1996*. P., 1997; *Christianisme et Vendée. La création aux XIX-e d'un foyer du catholicisme. Actes du Colloque de La Roche-sur-Yon*. CVRH, 2000; *La Contre-Révolution en Europe (XVIII-XIX-e siècles). Réalités politiques et sociales. Résonances culturelles et idéologiques. Actes du Colloque de Cholet (octobre 1999)*. Rennes, 2001.

¹⁵ *Gabory E. Napoléon et la Vendée* [1914]. Reéd. P., 1996.

200-летнего юбилея основанного Наполеоном города Ла Рош-сюр-Йон и вандейской префектуры¹⁶.

Консулат: программа *sine qua non*

В декабре 1799 г. была принята новая Конституция Франции. Страна оставалась республикой с весьма сложной, разветвленной структурой власти, полностью контролировавшейся Первым консулом¹⁷. Главная заслуга Наполеона заключалась в создании хорошо отлаженной, централизованной системы местного управления. Рожденные Революцией департаменты, которые возглавлялись префектом и советом префектуры, делились на вверенные супрефектам округа, а эти последние – на городские и сельские коммуны, управляемые мэрами и муниципальными советами. Все мужчины, достигшие 21 года, пользовались избирательным правом, но выбирали не депутатов, а кандидатов, из числа которых уже правительство назначало членов администрации. Кандидатуры чиновников для западных областей Франции рассматривались наиболее тщательно: ставка делалась на стирание граней между прежними «партиями», а потому одинаково избегали и роялистов, и якобинцев, – «экзальтированных, экстравагантных, безнравственных». Так, по требованию министра внутренних дел, в 1801 г. префект Вандеи составил анкету на 85 человек, занимавших какие-либо значительные должности¹⁸, после изучения которой все «непримиримые» были отправлены в отставку.

Боязнь новой «шуанерии» порождала почти маниакальную подозрительность и способствовала возникновению атмосферы «осажденной крепости» – ожиданию постоянной, вездесущей угрозы. Соответственно, важнейшей задачей местной власти было предотвращение паники, сглаживание конфликтов, проведение политики умиротворения и толерантности. Надо признать, что люди, возглавлявшие департамент в 1800-1813 гг., смогли выдержать этот строгий экзамен. Олицетворяя режим Консульства и Империи, они шли к достижению единой цели, но часто разными путями, предопределявшимися несходством характеров,

¹⁶ Gérard A. Napoléon et les Vendéens, journal inédit de Mercier du Rocher (1789-1816). CVRH, 2004; Heckmann Th. Op. cit.; Lévêque R. Napoléon, ville de Vendée. La naissance de La Roche-sur-Yon. CVRH, 1998; Napoléon Bonaparte et la Vendée. Ed. par Ch. Vital et J. Biteau. Somogy, 2004. См. огромную подборку документов на сайте Архива департамента Вандея: <http://archives.vendee.fr>

¹⁷ Конституция 13 декабря 1799 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Сост. Н.А. Крашенинникова. М., 2000. С. 91-92.

¹⁸ Heckmann Th. Op. cit. P. 81-86.

социальным статусом, конкретной обстановкой, личным опытом участия в политической жизни региона.

Жан-Франсуа Мерле, первый префект Вандеи (1800-1809), родился в 1761 г. в зажиточной сельской семье и, благодаря своим талантам, в 1784 г. получил место адвоката в сенешальстве Сомюра. Кампания по выборам депутатов в Генеральные штаты и редактирование наказов позволили ему проявить себя ярким защитником интересов третьего сословия. Не будучи избран депутатом, он без колебаний вошел в состав муниципального комитета, а с июня 1790 г. занял пост прокурора-синдика дистрикта Сомюр (департамент Мен и Луара). Его революционный настрой проявился в инициативе учредить в июле 1791 г. провинциальный филиал парижского «Общества друзей Конституции»¹⁹. Противник Старого порядка, Мерле приветствовал принятие Конституции 1791 г. Его твердая приверженность английскому варианту ограниченной монархии способствовала избранию этого талантливого администратора в Законодательное собрание, где он занял пост сначала вице-президента, а затем и президента (7 августа 1792 г.)²⁰.

Свержение монархии и созыв Конвента поставили крест на революционной карьере Мерле, который, вернувшись в Сомюр, принял, хотя и без особого энтузиазма, участие в действиях вандейской «королевской и католической» армии. Падение якобинцев-«кровократов» (*sanguinocrates*), – как он сам их называл, – возродило у умеренного монархиста надежду на возвращение конституционного порядка и желание быть полезным обществу и государству. Слабость и неустойчивость режима Директории удержала его от возвращения на государственную службу, и лишь приход к власти Бонапарта создал для этого благоприятные условия²¹. По ходатайству Л. Карно, Мерле был назначен префектом Вандеи.

Развитие Революции прервало его блестящую административную карьеру, и теперь Мерле жаждал справедливого «реванша», хотя путь к нему был усеян сплошными терниями. Вандея давала рискованный и удивительно благоприятный шанс: разрушенная и окровавленная земля нуждалась в скорых, энергичных мерах по восстановлению. Но именно эта сложная и, казалось, почти невыполнимая задача сулила благосклонность Наполеона и возможность дальнейшего повышения по службе. Успешная деятельность префекта объяснялась, впрочем, не только карьерными интересами, но и тем, что сам будучи уроженцем

¹⁹ Heckmann Th. Op. cit. P. 87-93.

²⁰ Ibid. P. 96-106.

²¹ Ibid. P. 107-108.

этих мест, он вкладывал в свои поступки и решения частицу души. Заслужив к себе любовь и уважение сограждан, он вынужден был потратить немало красноречия, чтобы в 1809 г. убедить обеспокоенное его отставкой население в неоспоримых достоинствах своего преемника²².

Действительно, Проспер де Барант, занявший пост главы департамента (1809-1813), был яркой и неординарной личностью. Уроженец Риома (родился в 1782 г.), он в 1800 г. окончил Политехническую школу и в 1806 г. стал аудитором Государственного совета, а год спустя – супрефектом Брессюира (департамент Дё-Севр). Обладая несомненным литературным талантом, юноша страстно увлекся немолодой уже Жерменой де Сталь, но чуть позже отдал предпочтение знаменитой Жюли Рекамье. Исход этих любовных приключений оказался столь же благоприятным, сколь и курьезным: взаимную привязанность обеих дам Барант последовательно разделил со своим ближайшим другом Бенжаменом Констаном... Склонность к изящной словесности и истории, либеральные убеждения и отменная служебная репутация позволяют ему позднее стать пэром Франции (1819) и членом Французской академии (1828)²³. Должность вандейского префекта являлась, таким образом, лишь началом большого пути. Немного оправившиеся от ужасного революционного потрясения земли недавнего «кладбища нации» начали оживать и задача молодого чиновника состояла преимущественно в продолжении политики Мерле.

Найти общий язык с жителями департамента новому префекту во многом позволил его искренний интерес к событиям гражданской войны. Так, знаменитая маркиза Ларошжаклен (вдова вандейского вождя Л.-М. Лескюра, а затем супруга младшего брата легендарного Анри Ларошжаклена) поручила Баранту редактирование своих мемуаров, до сих пор остающихся важнейшим источником по истории контрреволюционных мятежей на западе страны²⁴. В 1811 г. Барант и сам написал несколько статей по истории региона и очерков жизнеописаний его важнейших героев – Ш.-М. де Боншана, Ж. Кателино, Ф.-А. Шаретта – для многотомного Биографического словаря²⁵. Полюбив эту землю и снискав искреннюю привязанность ее населения, Барант удивленно признавал в одном из писем, что отставка 1813 г. вызвала в его душе столь сильные чувства, что их можно сравнить с переживаниями адюльтера!²⁶

²² Ibid. P. 169-170.

²³ Denis A. Amable-Guillaume-Prosper Bruguière de Barante (1782-1866), homme politique, diplomate et historien. P., 2000.

²⁴ Mémoires de la marquise de La Rochejaquelein / Réd. par M. le baron de Barante. Bordeaux, 1814.

²⁵ Biographie universelle ancienne et moderne. Sous direction de L.-G. Michaud. 79 vol. P., 1811-1849.

²⁶ Heckmann Th. Op. cit. P. 173-174.

Нельзя, наконец, не сказать несколько слов о таком незаурядном человеке, как Жан-Александр Каволо (1754-1840), состоявшем генеральным секретарем при обоих префектах. Он оставил скрупулезное статистическое «Описание Вандей», сохраняющее и сегодня непреходящую ценность для историка²⁷. Блестяще окончив Люсонскую семинарию в Нижнем Пуату, Каволо в 30 лет стал пастырем маленького прихода Пео, где организовал образцовую ферму и получил от Генерального Совета провинции согласие на создание экспериментальной овчарни. Страстный поклонник философии Просвещения, он с восторгом принял Революцию и был одним из немногих в своей провинции, кто встал на защиту гражданского устройства церкви (1791). Каволо сделал это в произведении «Письмо доброму другу», где теория климатов Ш.-Л. Монтескье была применена к религиозному вопросу. Будучи главным викарием конституционного епископа Люсона и президентом Генерального совета Вандей (1792), Каволо пытался воспрепятствовать разгулу страстей и эскалации насилия. Видя бесплодность своих усилий, он оставил духовный сан и, сочетавшись браком с бывшей монахиней, стал преподавателем естественной истории в Люсоне. Тогда же он основал библиотеку в Фонтене²⁸. Незаменимый на своем посту в префектуре, прежний кюре твердостью своих убеждений, безупречностью поведения и глубокими знаниями умел повлиять не только на светских лиц, но и на строптивых прелатов.

Мерле, Барант и Каволо, безусловно, любили Вандею и желали ей мира и процветания. Противостоявшая же им «партия» непримиримых роялистов, слепых последователей и экзальтированных «наследников» великих героев гражданской войны (А. Ларошжаклена, Ф.-А. Шаретта и др.), стремилась «разогреть уже не существующее прошлое»²⁹. Однако департамент нуждался в умиротворении, и «святыми» отныне должны были считаться лишь те, кто проповедовал толерантность. Напротив, монархическая химера вела к войне, а потому оказалась уже неприемлемой для широких слоев населения Вандей.

* * *

Десять лет попыток переустройства и даже ниспровержения церкви доказали, что католицизм является силой, которую нельзя

²⁷ *Cavoleau J.-A.* Annuaire statistique du département de la Vendée pour l'an XII. Statistique ou description générale du département de la Vendée. Nantes, 1818.

²⁸ *Artarit J.* L'ex-curé Cavoleau, constructeur de la Vendée // La Vendée. Après la Terreur, la reconstruction. P. 374-393; *Bounolleau Ph.* Un curé révolutionnaire. Jean-Alexandre Cvoleau (1754-1839). Mémoire de maîtrise. Poitiers, 1996.

²⁹ Определение П. де Баранта в его биографическом очерке о Ф.-А. Шаретте. Цит. по: *Heckmann Th.* Op. cit. P. 58.

победить. Стало ясно, что гораздо разумнее поставить его на службу государству, превратить из противника в могущественного союзника, опору нового режима. Действительно, преследуемая и страдающая религия была фактором поляризации общества: с одной стороны, роялисты получали возможность выступать защитниками истинной веры, с другой – вольнодумие и атеизм шли рука об руку с революционным экстремизмом. Конкордат, заключенный в июле 1801 г., четко обозначил курс на политическую стабилизацию.

Ближайшим советником Бонапарта и главным действующим лицом переговоров с Пием VII стал Этьен Бернье, скандально известный вдохновитель мятежной Вандеи, чья деятельность получила самые противоречивые оценки современников и историков. Бернье родился в 1762 г. в семье ткача. Отличаясь высоким интеллектом, исключительным красноречием и амбициозностью, он получил хорошее духовное образование и в 1786 г. стал доктором теологии. В 1790 г. он был назначен кюре Сен-Ло (Анже). Однако позднее, отказавшись принести гражданскую присягу, Бернье присоединился к «королевской и католической» армии Ж.-Н. Стоффле. Являясь с 1796 г. одним из агентов Людовика XVIII во Франции, Бернье, тем не менее, сразу после переворота 18 брюмера перешел на сторону Первого консула. Привыкший к двойной игре, прежний противник гражданского устройства духовенства рассчитывал получить шляпу кардинала и пост архиепископа Парижского, но, в конце концов, вынужден был довольствоваться диоцезом Орлеана, где и умер в 1806 г. от туберкулеза³⁰.

Главным творением этого «гениального интригана» стал действовавший более 100 лет закон от 15 апреля 1802 г., который провозглашал католицизм «религией огромного большинства французского народа», разрешал беспрепятственное богослужение по всей стране и допускал свободу культа для протестантов. Нужно ли говорить, что личное участие в гражданской войне подсказало Бернье самый верный путь к умиротворению мятежных провинций? Решение, принятое по его предложению, одинаково удовлетворяло обе стороны: сельскому миру возвращалась поэтика обрядов, а правительство в лице церкви получило эффективный рычаг власти.

Особенно далеко идущие последствия имел пункт о процедуре занятия должностей. Государство обеспечивало содержание священникам; назначало архиепископов и епископов (а также утверждало избранных епископами кюре), после чего они получали от папы каноническое посвящение в сан. Отдельно оговаривалась отставка действующих прелатов (дабы не усугублять напряженную ситуацию с

³⁰ *Leflon J. Etienne-Alexandre Bernier, évêque d'Orléans. 2 vols. P., 1938.*

присягнувшими и неприсягнувшими служителями культа, дав всем «равные возможности») и реорганизация прежних диоцезов. Новая система лишала Вандею былой религиозной самостоятельности (Люсонская епархия): ее территория вместе с департаментом Нижней Шаранты включалась в диоцез Ла-Рошели³¹. Кандидаты на исполнение пастырских полномочий проходили строжайший отбор и должны были, по мнению Бонапарта, сочетать отличное знание местных особенностей с искусной политикой толерантности, иметь безупречную репутацию и авторитет в глазах верующих. Новый епископ Ла-Рошели Лоран-Габриэль Пэйу был живым воплощением всех этих достоинств³². Принцип назначения священнослужителей правительством привел к символическому единению духовных и светских чиновников, ранее разделенных пропастью гражданской войны. И хотя католицизм последних носил чисто внешний характер формального исполнения обрядов (Каволо видел в христианстве лишь моральное учение, а Мерле и вовсе тяготел к деизму), реставрация единого религиозного фасада стирала наиболее острые грани противоречий, хотя и не привела к смешению этих двух различных миров.

Ситуация, впрочем, оказалась питательной средой для оживления ростков галликанизма. 38 из 80 епископов признали действия Пия VII незаконными и открыто призвали к неповиновению. Отказ от конфискованных земель, требование новой присяги (напоминавшей печально известный декрет Конституанты), контроль правительства за папскими посланиями и обращениями были восприняты как недопустимая уступка безбожной Революции. Ревнителю чистой веры (диссиденты) объявили Святого отца Антихристом и сплотились вокруг своих идеологов, положив начало движению Малой Церкви, «шантажировавшему» официальный католицизм вплоть до конца XIX в.³³ Новое течение привлекло к себе широкие слои недовольных (роялистов, бывших монахов и пр.), однако ограничивалось пассивным протестом, не прибегая к реальным действиям. Лишенное яркого лидера, клира, дисциплины, устава, учения и единства, оно не представляло собой серьезной угрозы режиму Консульства и Империи. Умело сочетая

³¹ *Boudon J.-O.* L'épiscopat français à l'époque concordataire (1802-1905). Origines, formation, nomination. P., 1996; *Delacroix S.* La réorganisation de l'Eglise de France après la Révolution (1801-1809). T. 1. P., 1962. Епископство Люсонское (департамент Вандея) было восстановлено в 1822 г. См.: Atlas de la Révolution française. T. 9. La religion. Sous la direction de Cl. Langlois. P., 1996.

³² Л.-Г. Пэйу (Paillou) (1735-1826) – глава люсонской семинарии, в 1792 г., отказавшись от присяги, был выслан в Испанию. С 1802 г. главный викарий, а затем – епископ Ла-Рошели. См.: *Gabory E.* Op. cit. P. 642-643.

³³ *Billaud A.* La Petite Eglise dans la Vendée et Deux-Sèvres (1800-1830). Thèse de doctorat. P., 1962.

убеждение и принуждение, светская и духовная власти добились практически полного признания конкордата обществом³⁴.

* * *

Вандейское восстание 1793 г., как известно, началось с протеста против принудительного набора в армию. Действительно, среди солдат наиболее частыми жертвами «болезни земли» (ностальгии) были выходцы из сел западных и южных регионов страны, к чему их предрасполагали образ жизни (рассеянное поселение с вытекающей отсюда замкнутостью на ближайшем окружении) и специфический диалект. Вместе с тем, дезертирство из армии уроженцев Пуату при Старом порядке было в 2 с лишним раза меньше общепольского показателя (1,8% против 4%), а «жеребьевка» не вызвала и тени сопротивления в деревнях³⁵. И хотя недовольство призывами в милицию была в этой области широко распространенным явлением, что неоднократно отмечалось историками, только в период Революции протест против «налога кровью» вылился в активные насильственные действия.

Нередко утверждение о том, что вандеец – плохой солдат, подкреплялось в литературе ссылкой на отсутствие у него реальных внешних врагов. Однако бытовавший в исторической памяти жителей приатлантических провинций образ туманного Альбиона рельефно иллюстрирует ошибочность подобных предположений. Начиная с X в. в воображении простолюдинов англичанине представляли агрессивными завоевателями, олицетворением абсолютного зла, воплощением дьявольских сил ада и тьмы. Решающим моментом в оформлении этого ярко негативного образа стала Столетняя война (1337-1453). Старые стереотипы с новой силой возродились в 1793 г. после коварного британского «предательства» участников похода через Луару – беспрецедентной *Virée de Galerne*³⁶. Впрочем, негативный психологический фон подкреплялся постоянным страхом перед вполне конкретными

³⁴ Heckmann Th. Op. cit. P. 115-117.

³⁵ La Vendée des origines à nos jours. P. 201.

³⁶ В октябре 1793 г. разгромленные отряды вандейцев во главе с А. Ларошжаклем, сопровождаемые многочисленным мирным населением, бежавшим от «синего террора», переправились через Луару и начали поход в Нормандию (*Virée de Galerne*), надеясь получить помощь от бретонской шуанерии и английского десанта. Достигнув Гранвиля (город на берегу Ла-Манша) и не получив ни того, ни другого, 80-тысячная масса повернула обратно. В декабре она была окружена республиканскими войсками близ Ле Мана и перебита. Подробнее см.: *Мяжкова Е.М.* Историческая память об англичанах на Западе Франции и Вандейское восстание 1793 г. «Коварный Альбион» на службе контрреволюции? // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2004. С. 223-239.

действиями: пиратством, контрабандой, грабительскими десантами, которые разорвали население, парализовали торговлю и рыбную ловлю, являвшуюся нередко единственным источником существования.

Реорганизация морских портов, начатая Бонапартом с 1799 г., и заключение Амьенского мирного договора (1802), безусловно, произвели на жителей прибрежных областей самое благотворное впечатление. И даже возобновление войны с Англией в мае 1803 г. не оттолкнуло население от режима, а сплотило вокруг него, поскольку в нарушении мира оно винило исключительно неприятеля. Случалось, эти настроения разделяла и часть политической элиты, для которой туманный Альбион с первых дней Революции стал символом могущественного внешнего врага, «тирана» и «деспота», пытающегося погасить сияющий во Франции светоч добродетели³⁷. Экспедиции эмигрантов (Ж. де Пюизе на Киберон и графа д'Артуа на остров Йе) закончились неудачей, однако они породили многочисленные британские «миражи», легко возбуждавшие тревогу, паники, всеобщее вооружение и иступленные призывы к местным властям о помощи³⁸. Однако, вопреки предположениям, «эмиссары Лондона» (сторонники Бурбонов) действовали крайне осторожно: полиция раскрыла в 1804 г. единственный заговор – «дело о свинце» (*affaire des Plombes*), – якобы координируемый масонским роялистским обществом³⁹.

Начавшаяся в сентябре 1805 г. война против третьей коалиции европейских держав привела к тому, что наборы в армию стали массовыми и постоянными, превратившись в предмет постоянных забот для префектур. Политика администрации в данном отношении была жесткой, но справедливой. Предоставление льгот и отсрочек, внимательное отношение к распределению «налога кровью», культ героев предотвращали возможность открытого неповиновения⁴⁰. Пассивный протест (эпизодическое дезертирство, преднамеренное увечье и пр.) нейтрализовался резкой сменой психологического климата. Празднование годовщин великих побед, почет и уважение к солдатам, вернувшимся с фронта, обозначили резкий разрыв с практикой якобинского террора, поставившего Вандею вне общества. Доверяя исполнению воинского долга бывшим повстанцам, Бонапарт сделал первый шаг к

³⁷ См. об этом: *Федин А.В.* Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции: историография проблемы // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 11. Брянск, 2002. С. 72-76; *Чудинов А.В.* На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // *Кутон Ж.* Избранные произведения (1793-1794). М., 1994. С. 50-51.

³⁸ *Heckmann Th.* Op. cit. P. 141-146.

³⁹ *Gabory E.* Op. cit. P. 687-693.

⁴⁰ *Heckmann Th.* Op. cit. P. 135-141.

реинтеграции департамента в единое национальное целое, завершившейся лишь с окончанием Первой мировой войны⁴¹.

Империя: политика «авторитарной доброжелательности»

Несмотря на значительные усилия, умиротворение Вандей не было полным: существование Малой Церкви, возобновление войны с Англией, разбой и грабеж, возвращение эмигрантов и оживление роялистов держали местные власти в постоянном напряжении. В 1803 г. Наполеон отправил в секретную миссию генерала Луи Гувьона, чтобы выяснить, как можно погасить последние искры «шуанерии». Главный инспектор жандармерии обладал всеми необходимыми качествами и умел сочетать искусную дипломатию с твердой бескомпромиссностью, мягкость и толерантность с суровостью и принципиальностью. Его отчет сообщал о значительных достижениях в восстановлении и реорганизации региона, отмечая, однако, и многочисленные трудности, основной причиной которых называлось отсутствие хорошо отлаженной административной системы и путей сообщения⁴².

Крупнейшие города (Фонтене, Люсон, Монтэгю, Сабль), где пребывали органы местной власти, располагались на самых границах департамента, образуя в периметре почти правильный треугольник, внутренние территории которого были предоставлены исключительно самим себе и лишены надлежащего управления. Дабы поставить эти земли под эффективный контроль государства, требовалось создание нового административно-военного центра. Идея о переносе столицы департамента из Фонтене в более удачно расположенный стратегический пункт принадлежала знаменитому аббату Жюлю-Анри Эрберу, занявшему по рекомендации Л.-Г. Пэйу пост главного вандейского викария в диоцезе Ла-Рошели⁴³. Кандидатуры старейших городов провинции Нижнего Пуату, развернувших в 1790 г. жесточайшую борьбу за административное первенство, были отклонены. Назначенная Первым консулом комиссия инженеров предложила несколько вариантов, наиболее оптимальным из которых был признан небольшой поселок Ла Рош-сюр-Йон с населением в 800 человек. В свое время Учредительное собрание уже рассматривало его как возможное место пребывания администрации департамента, но, в конце концов, отказалось от его

⁴¹ *Girardet R.* La Vendée dans le légendaire national français // *La Vendée dans l'histoire*. P. 161-168.

⁴² *La Vendée des origines à nos jours*. P. 287-288.

⁴³ *Gabory E.* Op. cit. P. 696.

кандидатуры, уступив нажиму элит традиционных исторических центров провинции⁴⁴.

Закон от 25 мая 1804 г., принятый спустя всего 8 дней после провозглашения Империи, перенес столицу Вандеи в Ла Рош-сюр-Йон. План города, составленный тогда же Кормье, инженером путей сообщения департамента Мен и Луара, много раз перерабатывался в соответствии с замечаниями и пожеланиями Бонапарта. Первоначальный план неопровержимо свидетельствует о сугубо функциональном назначении города: огромный пятиугольник подразделялся на правильные геометрические секторы; места расположения префектуры, трибунала, казарм, тюрьмы, суда, гостиницы, лицея, собора, почты были детально продуманы и четко определены; улицы, бульвары и площади, жестко регламентированные по длине и ширине, засаживались деревьями. Проект, предполагавший, что в городе будут жить 15 тыс. человек, поражал воображение, ведь главные городские центры на западе Франции почти никогда не превышали 6-тысячного рубежа. Грандиозный замысел получил громкое имя своего основателя – Наполеонград⁴⁵.

Не было, впрочем, ничего более невыполнимого, эфемерного и гротескного, чем план **немедленно** воплотить в жизнь эти прекрасные и смелые замыслы, не лишённые, разумеется, благородства и искренности. «Адские колонны» генерала Тюрро не оставили в Ла Рош-сюр-Йон ни единого здания, пригодного для жилья: оставшееся в живых население ютилось в убогих землянках. Префект Мерле вынужден был расположиться в нескольких уцелевших комнатах замка Ла Броссардьер, в 2 километрах от предполагаемого центра департамента. Безумная спешка, минимальное в условиях военного времени финансирование и нехватка рабочих рук привели к весьма печальным последствиям. В 1808 г. берега реки Йон напоминали большую стройку, где все было начато, но ничего не было закончено⁴⁶. Жалкие глинобитные постройки, временные бараки, отсутствие интеллектуальной элиты и культурных традиций превращали новую столицу департамента лишь в жалкую пародию на город, поражавшую, вопреки высоким замыслам архитекторов, скудостью эстетического содержания.

* * *

Первое десятилетие XIX в. в истории департамента нередко именуется эпохой вандейского «просперити», экономического чуда,

⁴⁴ Gabory E. Op. cit. P. 697-699.

⁴⁵ Lévêque R. Op. cit.

⁴⁶ Heckmann Th. Op. cit. P. 120-135.

великой реконструкции. Поистине общее стремление к гражданскому миру органично сочеталось с политикой толерантности центральных и местных властей. Впрочем, достижение консенсуса было невозможно вне системы жесткого контроля, вне имперского образа «авторитарной доброжелательности»⁴⁷. В целом, правительство Наполеона, отказавшись от бесполезных репрессий, сделало ставку на восстановление благосостояния региона, развитие инфраструктуры и распространение начального и среднего образования, то есть старалось устранить глубинные, по мнению современников (и большинства историков XIX в.), причины возникновения мятежей.

Стратегическое расположение Наполеонграда и его функциональное назначение предполагали строительство больших дорожных артерий, соединявших его с другими городами департамента и с соседними областями, о чем говорилось в декрете от 19 апреля 1806 г.⁴⁸ Развитию торговли была призвана служить сеть коммуникаций по рекам и каналам, практика осушения болот, реконструкция морских портов, главным среди которых, вопреки первоначальным намерениям императора, стал Сабль д'Олонн⁴⁹. Осуществление указанного проекта поражает невероятной быстротой и эффективностью: к 1808 г. основные работы по его реализации уже завершились. Успеху в немалой степени способствовала отмена в 1803 г. фиксированных в республиканском календаре дат рыночных дней и ярмарок. Возврат к прежнему, традиционному для сельского мира порядку торговли позволил в кратчайшие сроки восстановить интенсивный внутренний товарообмен. В 1810 г. префект, характеризуя в своих письма сложившуюся ситуацию, использовал яркий библейский образ воскрешения Лазаря⁵⁰.

Сельскохозяйственный по своей природе и основному роду занятий регион имел прекрасные возможности для производства зерна на экспорт. Так, закон 1804 г. (возобновлявшийся в 1806 и 1807 гг.) фиксировал цены на зерно, вывозившееся в Испанию, Португалию, Германию и Голландию⁵¹. Однако основу вандейского сельского хозяйства издавна составляло животноводство. Гражданские войны и реквизиции нанесли страшный урон некогда знаменитым пуатевинским породам крупного и мелкого рогатого скота. Дабы исправить положение,

⁴⁷ Ibid. P. 117-119.

⁴⁸ La Vendée des origines à nos jours. P. 289.

⁴⁹ Первоначально замысел Наполеона состоял в соединении Ла Рош-сюр-Йон с морем посредством реки Йон, что, при детальном рассмотрении, оказалось невозможным и разбило надежды на тотальную централизацию департамента. См.: *Gabory E.* Op. cit. P. 724-726.

⁵⁰ Ibid. P. 718-719, 727.

⁵¹ Ibid. P. 716.

министр внутренних дел в 1801 г. направил в департамент 15 племенных быков и 10 коров из Швейцарии. В 1808 г. назначенный губернатором Мадрида генерал О.Д. Бельяр, имевший владения близ Фонтене, прислал в родные места 500 меринсов с лучших испанских ферм, а в 1813 г. указом императора каждый округ получил еще по 30 животных для увеличения их поголовья. Особая забота проявлялась о пополнении табунов и создании конюшен в Наполеонграде. Хотя египетские, арабские и испанские породы лошадей здесь не всегда приживались, однако усилия администрации по их разведению все же имели определенные положительные результаты⁵².

Напротив, попытки наладить промышленное производство оказались не слишком удачными. Для поддержания централизованных и рассеянных ткацких мануфактур были сделаны значительные финансовые вливания, создана школа искусств и ремесел (1807), однако к 1813 г. 63 предприятия Фонтене в целом (и с заметными сезонными колебаниями) нанимали от 4 до 500 рабочих, а нередко вовсе закрывались, не находя спроса своему весьма низкокачественному товару⁵³.

Напротив, весьма эффективным оказался закон от 8 апреля 1808 г., предписывавший выделение денег для 2 тыс. хозяев, дома которых были разрушены в ходе военных действий (в 1813 г. субсидии получили еще 500 собственников), а также компенсацию расходов на восстановление церквей и жилищ кюре⁵⁴.

Правительство заботилось не только о материальном благосостоянии, но и моральном воспитании населения. Расстроенное революцией начальное образование, осуществлявшееся, как правило, усилиями сельских священников, находилось в полном упадке: в маленьких коммунах Вандеи не хватало ни квалифицированных преподавателей, ни средств на оплату их труда. К 1813 г. проблема, правда, была отчасти смягчена, благодаря местной инициативе и благотворительности частных лиц.

Единственной на весь департамент средней школы Люсона было также явно недостаточно. Администраторы просили возобновить работу прежних коллежей, облегчавших широкий доступ к знаниям и получению профессии. Так, в 1803-1804 гг. ходатайства всех крупных центров региона по данному вопросу (лицей Наполеонграда, семинария Шаванни, коллеж Фонтене, школы Сабль и Монтэрю) были удовлетворены⁵⁵.

⁵² Heckmann Th. Op. cit. P. 146-147.

⁵³ Gabory E. Op. cit. P. 720.

⁵⁴ La Vendée des origines à nos jours. P. 290.

⁵⁵ Ibidem.

Стоит ли в итоге удивляться, что грандиозная созидательная работа правительств Консульства и Империи в западных областях Франции способствовала формированию настоящего культа Бонапарта, выражавшегося в создании соответствующей иконографии, праздновании событий его семейной жизни и годовщин главных побед? Католицизм был реставрирован, роялистская идея нашла себе вполне адекватную замену, соответственно главный лозунг восставших в 1793 г. «Бог и король!» казался отныне анахронизмом.

* * *

Великая и страдающая Вандея притягивала Наполеона. События 1793-1796 гг., которые за героизм и жертвенность населения именно он назвал «войной гигантов», вызывали в нем, по словам аббата Бернье, живейший интерес. В мае 1804 г. первый консул дал обещание представителям департамента посетить легендарные места в надежде увидеть реальные плоды политики умиротворения и, образно говоря, закрепить достигнутое личным визитом. 22 нивоза XIII г. инженеры, занятые строительством нового административного центра, получили приказ возвести посреди леса императорский охотничий домик с садом и парком. Проект не был осуществлен, но театрализованный образ императора, отдыхающего среди шуанов от государственных забот, несомненно, вызывал симпатию и доверие⁵⁶.

Этот отдаленный регион, презираемый при Старом порядке и ненавидимый при Революции, не знал королевских визитов со времен Людовика XIII. Одну из особенностей крестьянского сознания составляла склонность к «очеловечению» социальных институтов, идентичная антропоморфизации сверхъестественных сил. Воплощение сакральности должно было время от времени «являться» народу для ее подтверждения⁵⁷. Одновременно частью народного «монархизма» являлась специфическая форма представлений об отце-домохозяине, его неограниченной, родительски заботливой и по необходимости суровой власти, его непререкаемом авторитете. Победа над «образом Бурбонов», следовательно, была одержана вне сферы политики и полей сражений путем умелого использования механизмов государственного патернализма, оперирующего дискурсом добра и справедливости⁵⁸.

⁵⁶ Gabory E. Op. cit. P. 727.

⁵⁷ Подобным обрядом, поддерживавшим во французских крестьянах веру в сакральную природу королевской власти, были ритуалы исцеления больных золотухой. Вера в чудодейственную силу монарха просуществовала во Франции до конца первой четверти XIX в. и пала вместе с Первой Империей. См.: Блок М. Короли-целители. М., 1994.

⁵⁸ Mousnier R. Les concepts d'«ordres», d'«états» de «fidélité» et de «monarchie absolue» en France de la fin du XVIII-e siècle // Revue historique. 1972. № 502. P. 289-312.

В мае 1808 г. в Байонне Наполеон принудил испанского короля Карла IV и его наследника Фердинанда отказаться от престола и передал бразды правления в руки Жозефа Бонапарта. «Присоединив» Пиренейский полуостров, император принял решение вернуться обратно через Вандею. 3 августа в Бордо Наполеон получил известие о капитуляции генерала П.А. Дюпона в Байлене перед испанскими партизанами, шокировавшее Европу и повергшее монарха в неопикуемый гнев. Однако, вопреки горячему желанию срочно вернуться в Париж, он продолжил поездку по западным департаментам, преодолевая расстояние за максимально короткие сроки: дорога Ла-Рошель – Нант заняла в целом около 48 часов⁵⁹. Впрочем, при всей краткости ночных или утренних остановок в Фонтене, Сент-Эрмине, Шантонне, Ла Рош-сюр-Йон, Монтэгу, нехватка времени отчасти компенсировалась поведением императора. Возвышенный пафос его слов, искренне выраженное уважение к участникам сражений, щедрые подарки им и выразительные актерские жесты показывали, что визит на родину шуанерии не был для императора простой формальностью. В свою очередь, население приветствовало «Великого Умиротворителя, Благодетеля и Восстановителя» возведением триумфальных арок, морем цветов, бурей эмоций⁶⁰.

Проявленная императором удивительная простота общения взамен ритуальной помпезности и исключительно благоприятный момент для его визита (политика восстановления уже дала первые плоды, а ее недостатки еще не обнаружили) произвели необходимый эффект. Это была логическая и своевременная точка в оформлении «наполеоновского мифа».

Реставрация: вкушение «неблагодарности Бурбонов»

В конце первого десятилетия XIX в. режим Империи столкнулся с серьезными кризисными явлениями. Континентальная блокада вызвала немалые экономические трудности: не хватало сырья, промышленных изделий, росла дороговизна. 1810-1811 гг. принесли населению Вандеи голод, безработицу, массовый исход селян в города и тщетные попытки его пресечения, усиление налогового гнета. Постоянные войны вырывали из деревни молодых мужчин, на плечах которых держалось хозяйство, оборачивались реквизициями и постоями войск, направлявшихся в Испанию. После «битвы народов» под Лейпцигом в октябре

⁵⁹ Heckmann Th. Op. cit. P. 65-72.

⁶⁰ Gabory E. Op. cit. P. 729-740.

1813 г. французская армия пережила невиданную ранее волну дезертирства⁶¹.

1 февраля 1813 г. граф Прованский (провозгласивший себя в 1795 г. Людовиком XVIII) опубликовал прокламацию, не имевшую видимого успеха, но подготовившую почву для активизации парижских роялистов, английских эмиссаров и наиболее непримиримых «шунанов». На 11 апреля 1814 г. было намечено начало нового вандейского восстания под руководством П. де Сюзанне, Ш.-М. д'Отишана и Луи Ларошжаклена⁶². Заговорщики имели мощную поддержку со стороны Малой Церкви. Ситуация стала настолько угрожающей, что 15 января 1814 г. Ф.А. Буасси д'Англа был назначен «чрезвычайным комиссаром» императора для принятия энергичных мер к восстановлению порядка⁶³.

12-13 апреля известие об отречении Наполеона достигло Вандей, но, хотя новость в целом была воспринята благосклонно, она вызвала смешанные чувства: радость от завершения войны сочеталась с неуверенностью в отношении намерений Людовика XVIII. Образно говоря, Реставрация представляла собой «режим надежд». Нотабли Фонтене рассчитывали на административный реванш у Ла Рош-сюр-Йон (заново переименованного 25 апреля 1814 г. в Бурбон-Вандею⁶⁴); дворяне – на возвращение собственности и титулов; духовенство – на возврат католицизму статуса государственной религии; сторонники Малой Церкви – на отмену Конкордата; буржуа – на сохранение приобретенных материальных и социальных благ; народ – на прекращение войн и снижение налогов; участники мятежей – на внимание и признательность короля. Увы, большинство из этих надежд оказались напрасными: административный центр департамента остался прежним; собственность, вопреки намерениям аристократов, была оставлена у ее новых владельцев; восстановленные титулы являлись, как правило, почетными, а не реальными, и достались только преданным монархистам за вычетом республиканцев и бонапартистов; налоги не уменьшились, а их безупречная уплата расценивалась в качестве главного признака верности трону; наконец, назначение пенсий тем, кто именем религии и короля поднял в 1793 г. восстание против Революции, затянулось довольно надолго из-за скрупулезности чиновников и финансовых затруднений. Последнее обстоятельство оказалось решающим для

⁶¹ *Тарле Е.В.* Континентальная блокада // Сочинения. Т. 3. М., 1958; *Gabory E.* Op. cit. P. 760-776.

⁶² См.: *Canuel S.* Mémoires sur la guerre de la Vendée en 1815. P., 1817.

⁶³ *La Vendée dès origines à nos jours.* P. 292.

⁶⁴ *Faucheux M.* L'enfance difficile de La Roche-sur-Yon (1804-1854). La Roche-sur-Yon, 1954.

появления мифа о «неблагодарности Бурбонов»⁶⁵, наглядной демонстрацией которой стал визит герцога Ангулемского в западные департаменты Франции.

Призванный поддержать роялистов и вынужденный балансировать, подобно Бонапарту, между непримиримыми политическими противниками, герцог призвал к... забвению прошлого, тогда как только оно давало вандейцам статус исключительности! Просьба сложить оружие в целях мира и спокойствия, а также полное пренебрежение к армии вызвали почти повсеместное негодование солдат, кричавших, вместо официального приветствия: «Да здравствует император!» Равнодушие к публике, отсутствие ярких театральных сцен с подарками, речами и милостями, проповедь смиренного несения налогового бремени вызвали всеобщее разочарование. Так, выслушав речь королевского посланника, некто Сен-Пьер, кюре города Шоле в департаменте Мен и Луара, растерянно произнес слова, немедленно обретшие популярность: «Да здравствует король, тем не менее!». Маршрут путешествия герцога по Вандее был составлен из рук вон плохо: в стороне остались важнейшие культурные центры Сабль д'Олонн и Фонтене, чьи представители специально отправились в Люсон, чтобы выразить свой гнев криками: «Да здравствует Наполеон! К черту Бурбона!»⁶⁶. Важнейшая политическая миссия закончилась полным провалом: она была воспринята современниками как жалкая пародия на блистательный визит Бонапарта, как проявление правящей династией черной неблагодарности по отношению к жителям региона.

Тем не менее, роялистская пропаганда активно эксплуатировала образ героической борьбы вандейцев для доказательства того, что у трона есть надежная опора внутри Франции. Характерно, что, когда пришло известие о возвращении Наполеона с острова Эльба, двор принял решение отправить герцога Бурбонского как представителя династии в Вандею для организации сопротивления, а самому Людовику XVIII уехать в Ла-Рошель под защиту своих фанатичных сторонников. Однако март 1815 г. разительно отличался от марта 1793 г., и оба предприятия не были реализованы⁶⁷.

* * *

⁶⁵ Bertier de Sauvigny G. de. La Vendée de Chateaubriand // La Vendée dans l'Histoire. P. 152-157; Charlety S. La Restauration. P., 1921; Houssaye H. 1815. Première Restauration. Vol. 1. P., 1899.

⁶⁶ Gabory E. Op. cit. P. 789-796.

⁶⁷ Летчфорд С.Е. Вандея в 1815 г. // ФЕ 2003. М., 2003. С. 151-164; Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 145-152.

Умелая политика Бонапарта, направленная на умиротворение Вандеи, проявленная властью толерантность, «авторитарная доброжелательность» и предпринятая ею принудительная модернизация «вывели» мятежный край из кошмарного прошлого, примирив его с настоящим и открыв к будущему. Возврат, таким образом, был исключен не только по объективным, но и по субъективным, психологическим факторами, свидетельством чему стал провал очередной попытки восстания в 1832 г. и постепенная интеграция региона (пусть не всегда гладкая и безболезненная) в единое национальное целое⁶⁸.

⁶⁸ *Martin J.-Cl.* Une région nommée Vendée. Entre politique et mémoire XVIII-XX-e siècle. P., 1996; *Tulard J.* La Vendée sous l'Empire et la Restauration: une pseudo-réconciliation? // La Vendée dans l'Histoire. P. 139-144.